

Научная статья

УДК 343.9.018.3

EDN RZOQYP

DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(2).113-121

**НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА
В КРИМИНОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ****М.М. Бабаев¹, Ю.Е. Пудовочкин²**¹ *Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация*² *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Российская Федерация***Информация о статье**

Дата поступления

6 марта 2026 г.

Дата принятия к публикации

6 мая 2026 г.

Дата онлайн-размещения

31 мая 2026 г.

Ключевые словаДетерминация преступности;
механизм преступного поведения;
теория линейной причинности;
теория нелинейной причинности;
непредвиденные обстоятельства;
личность преступника;
неопределенность; криминальные
риски

Аннотация. Отечественная криминологическая наука долгое время развивалась в методологическом русле, сформированном классической, линейной концепцией причинности, предполагающей заранее известное значение строго определенных типовых криминогенных факторов. При таком подходе во многом игнорировались проблемы сложности, многофакторности, нелинейности, неопределенности современного мира. Это обедняло и саму криминологическую науку, и возможности практики предупреждения преступлений, создало в конечном итоге ситуацию застоя и кризиса. Поиск ответа на вызовы методологического обновления криминологии предполагает обращение к новым, нелинейным теориям социальной детерминации и их адаптацию для целей криминологического познания преступности. В рамках теории нелинейной детерминации особое значение приобретает категория «случайного», эмпирически представленная бесконечным множеством непредвиденных обстоятельств. Их криминологическая роль остается непознанной. Между тем непредвиденные, случайные обстоятельства могут играть крайне существенную роль в генезисе преступления и преступности. Они самим своим возникновением и существованием «взламывают» базовый постулат теории классической причинности: даже в том случае, когда наличествует традиционно необходимая для совершения преступления совокупность криминогенных факторов, оно может не совершиться потому, что в ситуацию вмешалось непредвиденное обстоятельство, которое разрывает причинную цепь и порождает веер новых возможностей развития криминального замысла. И наоборот, при отсутствии традиционно мыслимой криминогенной ситуации один случайный фактор может стать решающим обстоятельством, достаточным для принятия решения о совершении преступления и его исполнении. По своим генетическим, масштабным, содержательным, функциональным характеристикам непредвиденные обстоятельства могут быть различными: природными и социальными, большими и малыми, криминогенными и антикриминогенными. Они могут проявлять себя как до момента начала функционирования механизма преступного поведения, в процессе формирования личности будущего преступника, так и на каждом участке этого механизма: во время планирования, принятия решения, исполнения преступления, а также на постпреступных стадиях. Одна из задач современного этапа развития криминологии как раз заключается в том, чтобы наполнить общий каркас теоретических знаний о непредвиденных обстоятельствах необходимой эмпирической информацией и на этой основе предложить новые схемы криминологической детерминации.

Для цитирования. Бабаев М.М. Непредвиденные обстоятельства в криминологическом дискурсе / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. — DOI 10.17150/2500-4255.2026.20(2).113-121. — EDN RZOQYP // Всероссийский криминологический журнал. — 2026. — Т. 20, № 2. — С. 113–121.

Original article

UNFORESEEN CIRCUMSTANCES IN CRIMINOLOGICAL DISCOURSE**Mikhail M. Babaev¹, Yuri E. Pudovochkin²**¹ National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation² Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation**Article info**Received
2026 March 6Accepted
2026 May 6Available online
2026 May 31**Keywords**

Determination of crime; criminal behavior mechanism; linear causation theory; non-linear causation theory; unforeseen circumstances; personality of a criminal; ambiguity; criminal risks

Abstract. Russian criminal science has long been developing within the methodological framework based on a classical linear concept of causation, which implies that there is a limited number of strictly defined typical criminogenic factors known in advance. Such an approach largely ignored the problems of complex, multi-factorial and ambiguous nature of the modern world. It had a negative effect on the science of criminology itself, as well as the possible practices of crime prevention and, in the end, resulted in a stagnation and crisis. A search for answers to the challenges of criminology's methodological renewal requires a turn to new, non-linear theories of social determination and their adaptation to the goals of criminological cognition of crime. Within the theory of non-linear determination, the category of "accidental", represented by an endless multitude of unforeseen circumstances, gains a special significance. Their criminological role remains unknown. Meanwhile, unforeseen, accidental circumstances could play a significant role in the genesis of crime and criminality. Their very existence "hacks" the basic tenet of the classical theory of causation: even when there is an aggregate of criminogenic factors traditionally viewed as necessary for committing a crime, it may be prevented by the interference of an unforeseen circumstance that disrupts the causation link and gives rise to a variety of new possibilities for the development of the criminal intent. A vice versa, in the absence of a traditional conceivable criminogenic situation, one accidental factor may become a decisive circumstance sufficient for making a decision to commit a crime and putting it into action. Unforeseen circumstances may be different in their genetic, scale, content, functional characteristics: natural and social, large and small, criminogenic and anti-criminogenic. They may manifest themselves both before the moment when the criminal behavior mechanism starts functioning, in the process of formation of the future criminal's personality, and in each component of this mechanism: at the stage of planning, decision-making, carrying out a crime, as well as at the post-criminal stages. One of the tasks of the modern stage of criminology's development consists in to fill the general framework of theoretical knowledge on unforeseen circumstances with the necessary empirical information and, using this basis, to suggest new schemes of criminological determination.

For citation. Babaev M.M., Pudovochkin Yu.E. Unforeseen Circumstances in Criminological Discourse. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2026, vol. 20, no. 2, pp. 113–121. (In Russian). EDN: RZOQYP. DOI: 10.17150/2500-4255.2026.20(2).113-121.

Введение

В криминологическом дискурсе проблема непредвиденных обстоятельств остается явно недооцененной. В литературе слишком мало научной информации, способной показать и доказать значимость глубокого и всестороннего изучения феномена «непредвиденные обстоятельства». Мало в том числе и для лучшего понимания пока еще непривычной мысли: игнорирование роли случайного, непредвиденного в абсолютном большинстве криминологических исследований стало в последние годы одним из факторов, сдерживающих процесс получения и накопления нового знания,

осмысления и интериоризации актуальных современных идей в быстро меняющемся мире. И в итоге — сдерживающих развитие российской криминологической науки.

Между тем проблема непредвиденных обстоятельств — крупная самостоятельная тема, имеющая немалое теоретическое и прикладное значение. Рассмотрим ее в пределах одной публикации, разумеется, невозможно. Потому исследовательская задача авторов состоит, по преимуществу, в том, чтобы поставить проблему непредвиденных обстоятельств в контекст базовых криминологических учений, стимулируя тем самым фор-

мирование и обсуждение некоторых новых идей парадигмального уровня, столь необходимых застоявшейся науке о преступности и ее причинах.

Непредвиденные обстоятельства в теории криминологической причинности

Одним из теоретических решений проблем детерминации, прорывным в момент формирования и застывшим к настоящему времени, стала классическая модель причинности (ее называют также механической, линейной, каузальной, лапласовской). Суть этой теории понятна и относительно проста: современное состояние всего во вселенной является результатом его прежнего состояния и причиной последнего; существует теоретическая возможность просчитать любое событие, исходя из его прежнего состояния; действие одной и той же причины в одних и тех же условиях всегда порождает одно и то же следствие; в случае прямых связей увеличения или уменьшения значений факторного признака происходит увеличение или уменьшение значений результативного признака; вероятностные процессы представляют собой результат действия скрытых детерминант.

Линейный подход к пониманию причинности в его однофакторном или многофакторном вариантах характерен для ранних этапов становления любой науки. Советская криминология, не будучи исключением, также «взяла на вооружение» именно эту теорию причинности. В 1968 г. В.Н. Кудрявцев в своей фундаментальной монографии писал: «Мы разделяем общепринятое в советской науке определение причинности как объективно существующего отношения между явлениями, при котором одно или несколько взаимодействующих явлений (причина) порождает другое явление (следствие)» [1, с. 5].

В процессе полувекового развития криминологической науки содержательная характеристика теории криминологической причинности, конечно же, не осталась неизменной. Ее углублению и обогащению способствовала реализация целого ряда актуальных и плодотворных идей, таких, как комплексный и системный анализ причин преступности, причинность как взаимодействие социальной среды и личности, особенности детерминации преступления и преступности, диалектика причин и условий преступности и др. Однако общая характеристика теории причинности, ее модель осталась,

вплоть до сегодняшнего дня, прежней, механической. В подтверждение сошлемся еще раз на слова В.Н. Кудрявцева, но уже из учебника 2009 г.: «Причинность — разновидность, одна из форм детерминации, под которой понимается любая закономерная зависимость между различными процессами и явлениями» [2, с. 178].

Нет сомнений, на начальных этапах развития криминологии теория линейной причинности верно и надежно служила одной из главных опор прогрессивного развития науки. Именно эта парадигма составила базу исследований, результатом которых стали новые знания, относящиеся к дифференциации причин преступности в целом и причин отдельных преступлений, причин различных категорий преступлений, причин, порождающих преступность и причин ее динамических изменений.

Это было «золотое» время советской криминологии: процесс пополнения багажа новых знаний шел весьма энергично. Однако, как известно, научные знания и представления — «товар», некоторая часть которого сохраняет свою ценность на весьма длительное время, если не на века, но другая постепенно начинает устаревать. Именно это и произошло с парадигмой линейной причинности.

Представление о линейности окружающего мира превратилось в серьезное заблуждение. На первый план вышли такие свойства объективной реальности, как неопределенность, случайность, вероятность, текучесть, мобильность, вариативность, рискогенность и др. В подобных условиях старые представления о причинности работают неэффективно или просто не работают. Творческий потенциал теории линейной причинности оказался практически исчерпанным. В связи с этим абсолютно прав Н.Н. Моисеев: «принцип причинности еще только предстоит сформулировать. А сейчас же нам следует набраться мужества для того, чтобы отказаться от тривиального представления о причинности, когда нам кажется, что одни и те же “причины”, действующие на один и тот же “объект”, обязательно должны порождать одни и те же следствия» [3, с. 61].

В российском научном сообществе, прежде всего философском, переход в новое состояние начался в конце прошлого века. Это был не просто очередной стандартный этап эволюции научного знания. В.С. Степин четко определил ситуацию: «в конце XX — начале XXI в. происходят новые радикальные изменения в основаниях

науки. Эти изменения можно охарактеризовать как четвертую глобальную научную революцию» [4, с. 362].

Частью этой революции стал переход к нелинейной модели причинности. Объясняя его, П.А. Амбарова пишет: «Усиление интереса к «нелинейной» проблематике вызвано, прежде всего, усилением нелинейности окружающей среды, особенно — социального мира. Современные общества, совершающие качественный скачок в новое культурное, социальное, цивилизационное состояние, реализуют именно нелинейную логику изменений» [5]. В той же работе П.А. Амбарова предложила краткий перечень признаков или свойств, характеризующих феномен нелинейности:

- многовариантность и альтернативность путей развития системы (прогресс, упадок, регресс, совершенствование, улучшение, тупиковые линии развития, гибель);

- уникальность процессов и явлений (высокая степень подвижности элементов системы и доминирование фактора случайности исключают их обратимость и повторяемость);

- вероятностность (она означает невозможность предсказания будущего системы исходя из ее сегодняшнего состояния);

- неочевидность определенной части линейных процессов и состояний;

- гибкость, свидетельствующая об органических качествах нелинейных явлений и процессов: нежесткости, «уступчивости», «жизнеспособности»;

- особенности темпоральности: переход в новое качество совершается мгновенно. Мгновенны также превращения хаоса в организованный порядок, и наоборот. Пример: момент, когда происходит мгновенное превращение птичьей стаи в организованный «косяк» или из хаотичных, спонтанных контактов образуется очередь. Мгновенность, скорость, динамизм делают темп, режим функционирования процессов и явлений рваными, скачкообразными.

Признаки и особенности нелинейности предопределяют острую и непривычную для сторонников классики специфику решения детерминационных проблем. Эту специфику очень удачно описывает Н.Н. Зарубина, отмечая, что современные исследователи, в отличие от приверженцев классических подходов, «не расставляют приоритеты, не акцентируют детерминистские и функциональные связи, не выстраивают целостной, логически связанной кар-

тины реальности, а, напротив, раскрывают ее множественность, нелинейность, спонтанные разрывы и парадоксальность, они в большей степени интересуются нестабильными явлениями и неопределенностью» [6]. В этой множественности нестабильных факторов особое место занимают непредвиденные обстоятельства. Нынешнее общество представляет собой открытую систему, которая интенсивно обменивается информацией с окружающей средой и, следовательно, характеризуется разнообразными, нелинейными, иначе говоря, случайными, неустойчивыми, стихийными отношениями. В таких условиях, как пишет А.И. Шафоростов, «фактор случайности, мыслимый в рамках линейного детерминизма в качестве внешней по отношению к рассматриваемому процессу помехи, которой можно пренебречь без ощутимых когнитивных потерь, радикально переосмысливается и приобретает фундаментальный статус в механизмах детерминации» [7, с. 102].

С учетом сказанного важно признать, что для развития теории криминологической детерминации в современных условиях существенное методологическое значение имеют следующие тезисы, которые могут стать одновременно и основой для эмпирического поиска, и предметом эмпирического подтверждения:

1. Непредвиденные обстоятельства самими своим возникновением и существованием «взламывают» один из базовых постулатов теории классической (линейной) причинности: даже в том случае, когда наличествует традиционно необходимая для совершения преступления совокупность криминогенных факторов, оно может не совершиться потому, что в ситуацию вмешалось непредвиденное обстоятельство, которое разрывает причинную цепь и порождает веер новых путей (возможностей) развития криминального замысла.

2. Непредвиденное обстоятельство — событие, совершающееся всегда в определенном социальном и природном контексте. Ему, в частности, сопутствуют и с ним взаимодействуют в том или ином варианте все названные выше условия среды: неопределенность, случайность, вероятность, текучесть, мобильность, вариативность, рискогенность и др. От особенностей этого взаимодействия в значительной мере зависят характер и масштаб последствий непредвиденного обстоятельства.

3. Непредвиденные обстоятельства являются естественной частью системы нелинейности.

Такая констатация означает, что в современных условиях они становятся основной базой теоретических изысканий и исследовательской практики, касающихся проблем причин преступности и отдельных преступлений и что было бы существенной ошибкой решать проблемы причинности без учета непредвиденных обстоятельств.

Непредвиденные обстоятельства и механизм преступного поведения

Понятие «механизм преступного поведения» хорошо известно в литературе. Его опорное определение мы находим у В.Н. Кудрявцева. Он определил механизм преступного поведения как «совокупность блоков и элементов, следующих один за другим», как связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических процессов и состояний, детерминирующих решение совершить преступление, направляющих и контролирующих его исполнение [8, с. 19–21]. Такое представление о механизме индивидуального преступного поведения не предрешает вопроса о содержании самих взаимодействующих факторов и способах связи между ними. По этой причине оно способно выполнять гносеологическую функцию при любом подходе к пониманию причинности. Очевидно, что если исследователь «исповедует» постулаты линейной механической теории причинности, то для него этот механизм является отражением однозначных и закономерных связей. Вполне определенно пишет по этому поводу Ю.В. Новикова: «механизм детерминации преступного поведения — это процесс взаимодействия объективных и субъективных факторов, закономерно приводящих к совершению преступления, определяющих содержание и последовательность допреступных, преступных и последующих деяний» [9, с. 930]. Если сказано «закономерно», значит, наступление результата неизбежно, безвариантно.

Но подобное утверждение не выдерживает критики, потому что рядом с «закономерным» существует и способное его перечеркнуть «случайное». Случай, непредвиденное обстоятельство даже, казалось бы, при всех «надлежащих» криминогенных предпосылках переводит криминальную ситуацию из разряда обязательно реализуемой в возможно реализуемую. Преступление в итоге — всегда в той или иной степени вероятность, которая реализуется (или не реализуется) в зависимости от определенных условий, складывающихся в криминогенную

ситуацию. Непредвиденным обстоятельствам в ее формировании принадлежит весьма существенная роль.

Преступление всегда принадлежало к сфере возможного, а не жестко предопределенного. Такова объективная реальность. Что же касается степени глубины ее познания, здесь все зависит от уровня развития науки и степени совершенства имеющегося в ее распоряжении исследовательского инструментария. Багаж современной науки с ее теорией нелинейной причинности, с очевидными достижениями синергетики позволил рассмотреть то, что ранее не было видно, более точно оценить то, чему прежняя шкала ценностей не способна была дать правильную оценку.

1. Сущностная криминологическая характеристика процесса совершения преступления сегодня может быть описана с помощью аппарата теории нелинейной причинности. Отталкиваясь от его общей характеристики, признаками преступления и процесса его совершения следует признать:

- многовариантность и альтернативность путей развития криминогенной ситуации;
- уникальность каждого преступления, а следовательно, и процесса его совершения;
- неочевидность некоторых деталей криминогенного процесса даже для исполнителя преступления;
- стремительность (мгновенность) перехода от благополучной для преступника криминальной ситуации к возникновению прямо противоположного положения дел;
- бифуркационная значимость непредвиденного обстоятельства, при возникновении которого преступнику уже невозможно продолжать свои действия в соответствии с заранее намеченным планом.

Нельзя не признать, что взятые по отдельности многие из перечисленных признаков были хорошо известны криминологам, изучавшим преступление и механизмы преступного поведения в «эпоху» линейной причинности. Однако современное рассмотрение их как совокупности позволяет заключить: в таком виде интересующие нас объекты не укладываются в рамки традиционной линейности. Но эта совокупность в полной мере позволяет оценить ее как феномен постмодерной причинности.

2. В механизме преступного поведения на любой из его стадий могут возникнуть обстоятельства, относимые к категории непредвиден-

ных событий. Например, если на этапе формирования замысла будущего преступления, которое «технически» возможно совершить только вдвоем, неожиданно отказывается от участия в нем один из двух предполагаемых соучастников, то преступление может остаться несовершенным, либо преступник может скорректировать план для единоличного исполнения преступления, меняя криминальную технику, либо он может отложить на время исполнения преступления до приискания нового соучастника и т.д. Непредвиденные обстоятельства могут изменить траекторию развития механизма преступного поведения также на стадии принятия решения о совершении преступления (потенциальный преступник, оценивая варианты, риски, шансы, может изменить ранее принятое решение, отказаться от исполнения преступных действий или совершить иное преступление). Непредвиденное обстоятельство способно изменить содержание постпреступных действий и т.д.

3. Непредвиденные обстоятельства могут проявить свое значение и до момента начала взаимодействия элементов механизма преступного поведения, например, в процессе формирования личности будущего преступника. Личность не может рассматриваться как некогда сложившаяся неизменная совокупность характеристик человека, в какой-то конкретный момент времени взаимодействующая с окружающей средой, что приводит ее к совершению преступления. Личность — это постоянный процесс формирования и развития качеств человека, личность — это биография. На жизненном пути человека имеются факторы формирования, как более отдаленные (например, обстоятельства раннего детства), так и менее отдаленные (например, потеря работы) от факта преступления, содержательная связь которых с преступлением далеко не равнозначна. Причем появление этих факторов далеко не всегда является закономерным и неизбежным. На жизненном пути личности имеется ряд «поворотных моментов» (таких, как вступление в брак, получение образования, военная служба, трудоустройство и др.), которые могут изменить жизненную траекторию личности, способствуя либо криминальной карьере, либо «уходу от преступности» [10; 11]. И ряд из этих «поворотных моментов» также может иметь непредвиденный, случайный характер.

4. Криминологически значимые непредвиденные обстоятельства не образуют монолит-

ной массы. Они могут различаться по многим критериям, в частности:

– по источнику происхождения это могут быть обстоятельства социального или природного генезиса. Ураганы, наводнения заставляют жителей многих поселений покидать свои дома и квартиры, оставляя без присмотра свое имущество, чем не замедляют воспользоваться мародеры. Проливной дождь или большой снегопад с вьюгой может помочь преступнику остаться незамеченным или скрыть его следы. Но, конечно, гораздо более распространены непредвиденные обстоятельства социального происхождения. Речь идет о происшествиях, авариях, катастрофах в быту, на производстве, на улицах, на транспорте в воздухе, на земле и на воде. Они могут быть рукотворными и спонтанными, различающимися по причинам происхождения, по характеру и масштабу последствий, наконец, по правовым оценкам произошедшего и т.д. Их принципиально значимое отличие от природных непредвиденных обстоятельств состоит в том, что по итогам значительной части (если не большинства) социальных эксцессов такого рода возбуждаются уголовные дела и виновные привлекаются к ответственности;

– это могут быть обстоятельства различного масштаба. В криминологическом контексте масштаб непредвиденного обстоятельства выступает как категория относительная. Отсюда следует: операциональное значение для его определения имеет не абсолютный «размер» внезапного события (большое, среднее, малое), который установить вообще невозможно, поскольку эталона для измерения не существует, а сами по себе события чаще всего оказываются просто несопоставимыми. Реальным и основным критерием оценки масштаба непредвиденного обстоятельства может и должна служить только совокупность самых разных, прямых и косвенных последствий его возникновения. Так, автомобильная авария с участием крупногабаритного автобуса может закончиться ранением одного из пассажиров, а авария с участием малолиitraжного автомобиля — гибелью нескольких человек. Иначе говоря, не всегда, следуя логике, «малое» производит малое, а «большое» — большое. В действительности «малое» в силах породить большое, а результат «большого» не менее часто сводится лишь к малому;

– непредвиденные обстоятельства, даже одинаковые по содержанию, могут выполнять в механизме преступного поведения различные

функции. В этом отношении целесообразно выделить: а) обстоятельства, препятствующие совершению преступления, создающие различного рода помехи на пути преступника к его цели, включая и настолько серьезные, что заставляют субъекта отказаться от реализации преступного замысла; б) обстоятельства, способствующие (благоприятствующие) совершению преступления.

Едва ли можно перечислить все множество разновидностей непредвиденных обстоятельств социального и природного, криминогенного и антикриминогенного свойства. Они образуют целостный, но бесконечный набор больших и малых событий, которые могут к тому же усиливать или блокировать действие как друг друга, так и иных факторов причинности. Столкновение непредвиденных обстоятельств, как и саму реальную возможность таких столкновений необходимо непременно учитывать в исследовательской практике. Это заставляет еще раз задуматься о том, насколько сложную композицию представляет собой механизм совершения преступления, на самом деле далеко не сводящийся к той слишком простой схеме, которая ныне составляет основу большинства исследований на эту тему.

5. Бесконечно разнообразны виды непредвиденных обстоятельств, бесконечно разнообразны их последствия. Их общий двуединый массив дает нам общее представление об объективной сущности происходящего в сфере случайного. Но когда речь заходит о конкретной аналитической работе на уровне, например, единичного, неизбежно возникает вопрос о величине и значимости каждого из двух названных компонентов события.

В процессе исследования любой автор прежде всего формирует собственное дифференцированное представление о масштабах непредвиденного события и его последствий, а также о том, каким образом заданные неожиданные условия должны были (или могли) скорректировать поведение преступника.

Далее творческая задача состоит в том, чтобы «стать на его место». Ведь в реальном процессе совершения преступления оценивает обстановку исполнитель деяния и все, в конце концов, решает именно его оценка происходящего и своих возможностей. Для того же, чтобы «стать на его место», надо располагать максимально возможным объемом объективной и субъективной информации о личности преступника и о его подготовке к реализации своего замысла.

Криминологам хорошо известен комплекс типичных личностных качеств преступника и иных обстоятельств, наличие которых можно считать предпосылкой преодоления проблем, возникающих в процессе исполнения деяния. Назовем в качестве примера некоторые наиболее существенные из них: продуманный план действий от начала до конца посягательства; наличие достаточного криминального опыта и навыков преодоления препятствий, возникающих в ходе нападения, включая сопротивление со стороны жертвы; физическая сила и ловкость, техническая оснащенность и готовность применить оружие; подготовленность путей отхода и т.д.

Эти и многие неназванные предпосылки гипотетического успеха преступника значимы применительно к любому умышленному посягательству. Но нас интересует совершенно конкретная ситуация: на стадии исполнения преступного замысла субъект сталкивается с непредвиденным обстоятельством, которое сразу же создает в ряде отношений новую ситуацию, явно неблагоприятную для него. Как он станет реагировать на эту ситуацию, как поведет себя в ней?

Конечно, в сходной («в одной и той же») ситуации разные люди ведут себя по-разному (и в этом тоже есть элемент непредвиденности). Чтобы приблизиться к пониманию возможного варианта решения преступником возникшей перед ним задачи, следует коснуться ряда вопросов психологического свойства.

Первый из них — восприятие внезапно возникшего события. Эпиграфом здесь могли бы стать слова Артура Шопенгауэра: «Мы имеем дело не с явлениями, а с нашими представлениями о них». Субъективная природа процесса формирования образа отражаемого предмета позволяет на уровне простой логики утверждать, что образ в конечном итоге не адекватен этому предмету, он «по определению» иной. Но пока не сработал механизм восприятия и в сознании субъекта не отразилась новая ситуация, непредвиденное обстоятельство для него не бывает ни большим, ни малым, ни опасным, ни пустяковым. Восприятие может произойти мгновенно либо с задержкой (все зависит от личностных качеств преступника), и только затем наступает момент субъективной оценки ситуации и принятия решения по поводу дальнейших действий.

Найдет ли преступник в себе внутренние ресурсы преодолеть возникшие препятствия или же сочтет за благо отказаться от продолжения

посягательства, — все зависит, естественно, от его личностных, прежде всего психологических и социально-психологических качеств. Среди них: психологическая устойчивость (стрессоустойчивость); волевые качества; самооценка и способность «философски» воспринимать ситуацию и себя в ней; способность воспринимать советы, критические замечания; общительность либо, напротив, замкнутость; конфликтность, агрессивность; привычные способы решения конфликтов; влияние на восприятие прежнего опыта жизни; стереотипы мышления; иерархия ценностей. Очень существенно сказываются на восприятии временные состояния: страх, подавленное настроение, психическая напряженность, тревожность, аффективные, фрустрационные и эйфорические состояния человека и т.п.

В ряду личностных качеств преступника, имеющих прямое отношение к проблеме восприятия, следует особо выделить толерантность к неопределенности. Надо сознавать, что прямым следствием непредвиденного события оказывается ситуация неопределенности, из которой далеко не просто найти оптимальный выход, принять правильное решение. Поэтому свойственная человеку толерантность к неопределенности дает ему многие возможности «устоять» в сложных обстоятельствах.

Нетрудно понять, насколько сложна задача создать психологический портрет конкретного человека, достаточно близкий к оригиналу. Более того, в большинстве случаев она просто невыполнима. Однако старание и профессиона-

лизм способны помочь исследователю собрать необходимую информацию для решения важной и актуальной криминологической задачи из серии «непредвиденные обстоятельства и механизм преступного поведения».

Заключение

Реалии современного мира требуют от криминологической науки адекватной реакции не только в части феноменологического описания новых видов и форм преступности. Они требуют, возможно, прежде всего тщательного (хотя при этом осторожного и бережного) пересмотра многих, если не всех, оснований криминологической теории. Теория криминологической детерминации — первый претендент на методологическое обновление, учитывая представления о сложности, нелинейности, вариативности развития современного общества и преступности в нем. Одно из направлений модернизации теории детерминации преступности может состоять в использовании гносеологического потенциала категории «непредвиденные обстоятельства». Их явно недооцененная роль на всех участках генезиса преступления и преступности сегодня существенно блокирует развитие криминологических знаний. Осознаваемые лишь как теоретический конструкт, непредвиденные обстоятельства должны быть эмпирически выявлены, соотнесены с известными блоками генезиса преступления, осмыслены как компонент новой, нелинейной теории криминологической детерминации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения) / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Юрид. лит., 1968. — 175 с.
2. Криминология : учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма, 2009. — 800 с.
3. Моисеев Н.Н. Расставание с простотой / Н.Н. Моисеев. — Москва : Аграф, 1998. — 472 с.
4. Степин В.С. История и философия науки : учебник / В.С. Степин. — Москва : Трикта, 2011. — 422 с.
5. Амбарова П.А. Дисциплинарные и междисциплинарные подходы к определению понятия нелинейности / П.А. Амбарова. — EDN SGOYYN // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2014. — Т. 126, № 2. — С. 103–111.
6. Зарубина Н.Н. О теоретических подходах к исследованиям модернизации России в условиях сложного социума / Н.Н. Зарубина. — EDN PYVZNL // Вестник МГИМО-Университета. — 2013. — № 1 (28). — С. 185–189.
7. Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: детерминизм / А.И. Шафоростов. — DOI 10.21285/2415-8739-2023-2-91-102. — EDN HCGAIR // Известия лаборатории древних технологий. — 2023. — Т. 19, № 2 (47). — С. 91–102.
8. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования / В.Н. Кудрявцев. — Москва : Инфра-М, 1998. — 216 с.
9. Новикова Ю.В. Механизм детерминации преступного поведения как элемент криминологической характеристики преступлений / Ю.В. Новикова. — EDN SDGWJV // Актуальные проблемы российского права. — 2014. — № 5(42). — С. 930–937.
10. Sampson R.J. Crime and deviance over the life course: The salience of adult social bonds // American Sociological Review. — 1990. — Vol. 55, iss. 5. — P. 609–627.
11. Sampson R.J. Crime in the making: Pathways and turning points through life / R.J. Sampson. — Cambridge : Harvard University Press, 1993. — 309 p.

REFERENCES

1. Kudryavtsev V.N. *Causality in Criminology (on the Structure of Individual Criminal Behavior)*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1968. 175 p.
2. Kudryavtsev V.N., Ehminov V.E. (eds). *Criminology*. Moscow, Norma Publ., 2009. 800 p.
3. Moiseev N.N. *Farewell to Simplicity*. Moscow, Agraf Publ., 1998. 472 p.
4. Stepin V.S. *History and Philosophy of Science*. Moscow, Triksa Publ., 2011. 422 p.
5. Ambarova P.A. Disciplinary and Interdisciplinary Approaches to the Definition of the Nonlinearity Concept. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Izvestiya Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2014, vol. 126, no. 2, pp. 103–111. (In Russian). EDN: SGOYYN.
6. Zarubina N.N. Theoretical Approaches to Research on Modernization of Russia under Conditions of Complex Society. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2013, no. 1, pp. 185–189. (In Russian). EDN: PYVZNL.
7. Shaforostov A.I. The History of Fundamental Ideas: Determinism. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*, 2023, vol. 19, no. 2, pp. 91–102. (In Russian). EDN: HCGAIR. DOI: 10.21285/2415-8739-2023-2-91-102.
8. Kudryavtsev V.N. *The Genesis of Crimes. An Experience of Criminological Modeling*. Moscow, Infra-M Publ., 1998. 216 p.
9. Novikova Yu.V. Mechanism of Determining Criminal Behavior as an Element of Criminological Characteristics of Crimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 5, pp. 930–937. (In Russian). EDN: SDGWJV.
10. Sampson R.J., Laub, J.H. Crime and Deviance over the Life Course: The Salience of Adult Social Bonds. *American Sociological Review*, 1990, vol. 55, iss. 5, pp. 609–627.
11. Sampson R.J., Laub, J.H. *Crime in the Making: Pathways and Turning Points Through Life*. Cambridge, Harvard University Press, 1993. 309 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабаев Михаил Матвеевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации, 121069, Российская Федерация, г. Москва, ул. Поварская, 25, стр. 1, babaevmm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>.

Пудовочкин Юрий Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 123242, Российская Федерация, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, стр. 1, 11081975@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>.

ВКЛАД АВТОРОВ

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Babaev, Mikhail M. — Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chief Researcher, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, 25 Povarskaya Str., Building 1, Moscow, 121069, the Russian Federation, babaevmm@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1656-2529>.

Pudovochkin, Yuri E. — Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 9 Sadovaya-Kudrinskaya Str., Building 1, Moscow, 1123242, the Russian Federation, 11081975@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1100-9310>.

CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.